

После того, как Хэ Сунбай скормил бабушке лекарство, он также помассировал ей спину и растер ноги, чтобы размять ее затекшие атрофированные мышцы.

В конце концов, лицо бабушки осветилось улыбкой, и она сказала ему:

— Не жалея себя, — ее огрубелое, морщинистое лицо исказилось в усмешке. — У нашей семьи еще есть немного золота, и если оно пригодится, ты можешь его использовать, давай обменяем его на деньги. Все равно подобные вещи невозможно взять с собой после смерти. Потрать их как можно скорее, и мои руки будут наконец пусты. Изначально я хотела сохранить эти деньги для приданого тебе и невестке. Ты ведь уже почти достиг брачного возраста. Но и дела твоей сестры Е* еще не решены... — она вздохнула, сжала золотую фасолину в руке и сунула ее Хэ Сунбаю. — Ты купил велосипед?

Хэ Сунбай покачал головой, но не стал упоминать о том, что денег было недостаточно:

— Велосипеда нет. Нужно будет отстоять очередь, — сказав это, он подхватил свою бабушку и вынес на улицу подышать воздухом и полюбоваться ночным видом.

Сразу после ужина Хэ Сунъе пришла сменить своего брата. Она отвела бабушку в ванную, вскипятила воду и искупала, а затем расчесала и вымыла ей волосы.

Хэ Сунбай взглянул на небо — уже вот-вот стемнеет. Он не знал, который час, но знал, что должен немедленно лечь спать, иначе завтра не сможет проснуться.

Он снова быстро принял душ, вернулся в свою комнату и крепко заснул.

Чжао Ланьсян не спеша закончила ужин и упаковала свежееобжаренные сливочные моти-роллы с манго. Она отнесла их в комнату Хэ Сунбая, но обнаружила, что он снова заснул.

Она подергала его за ухо.

У него очень хорошие уши с широкими ушными раковинами и мясистыми мочками, отчего он выглядит особенно благословенным*. Но почему-то все, что она видела после приезда в деревню, — это его страдания и жалкий вид.

П. п.: Существует народная примета: чем крупнее у человека уши и мясистее и длиннее мочки, тем дольше он проживет и тем удачливее будет.

Даже то, что она не сумела разбудить его таким способом, не помешало Чжао Ланьсян. Она засунула один манговый моти-ролл прямо ему в рот и ткнула в грудь.

Хэ Сунбай, закашлявшись, проснулся и схватился за ее руку, лежащую на его теле.

Поперхнувшись на мгновение, он в два укуса проглотил манговый рулетик. Его глаза были темными и подозрительно блестящими, словно из них в любой момент могли брызнуть слезы, но в то же время казались наполнены ужасающим спокойствием; в его низком голосе отчетливо слышалась хрипотца:

— К телу мужчины нельзя прикасаться так небрежно, это очень опасно, разве ты не знаешь?

Чжао Ланьсян скормила ему еще один ролл и с улыбкой спросила:

— Чем это опасно?

Хэ Сунбай был очень раздражен ее беззащитным, дерзким и невинным видом. Если бы здесь был не он, а другой мужчина, она была бы беспомощна. В этот момент его охватил жар, и он вдруг схватил ее и прижал к кровати своим телом. Сильной рукой он грубо ущипнул ее нежную кожу.

Никто из них не произнес ни слова. Ночь была тихой, за исключением изредка доносившегося из окна кваканья лягушек в пруду. Однако звук сердцебиения в его ушах стал более интенсивным, и своей громкостью почти заглушал все прочие звуки.

Чжао Ланьсян обняла тонкую талию Хэ Сунбая и проговорила:

— Хорошо, не сердись. Я хочу, чтобы ты встал кое на что посмотреть, — она нахмурилась и не смогла сдержать стона.

Глаза Хэ Сунбая потемнели до черноты, а голова отяжелела. Он сказал:

— Теперь у меня возникают очень плохие, презренные, непристойные мысли. Ты не должна всегда думать обо мне настолько хорошо. Ты всегда так... — тут в его злобном, хриплом голосе прозвучал намек на беспомощность: — Ты искушаешь меня.

Хэ Сунбай тяжело дышал; ему трудно было скрыть свою бурную реакцию, и он смущенно отвернул голову в сторону.

Чжао Ланьсян провела рукой по его коротким жестким волосам и выползла из-под его горячего тела.

— Извини. Вставай и одевайся, я тебя не подведу.

Хэ Сунбай сделал несколько глубоких вдохов, перевернулся, нащупал рубашку и аккуратно надел ее.

Чжао Ланьсян принесла лампу и повела Хэ Сунбая в загон для скота. Она поставила маленькую тусклую керосиновую лампу на заднее сиденье велосипеда, освещая это большое «новое прибавление».

Великолепный черный велосипед марки «Phoenix» с большой горизонтальной перекладиной был тщательно вымыт и отполирован до безупречной чистоты. Черная краска была новой, ровной и гладкой, сверкающий металл сиял белизной, а у руля был воткнут букетик лаванды и ипомеи. Словно гордый генерал с высоко поднятой головой, он ожидал своего осмотра.

В тот момент, когда Хэ Сунбай увидел велосипед, его сердце вспыхнуло горячим огнем, а по венам будто потекла магма. Но он сдержал свои эмоции и шагнул вперед, чтобы прикоснуться к нему.

— Что это значит?

Она сказала, что может купить велосипед, но Хэ Сунбай не воспринял это всерьез.

Чжао Ланьсян подняла брови, ее глаза, казалось, превратились в звезды, ласковые и яркие, и она сказала с улыбкой:

— Что? Ну разумеется, это транспорт для тебя! Во время езды на этом велосипеде я желаю тебе всего наилучшего, будь в безопасности каждый год.

Хэ Сунбай выслушал благословение девушки, и у него на сердце разлилось горячее тепло. Ему очень захотелось обнять ее и крепко поцеловать. Тело будто двигалось само — он действительно сделал это: обнял ее и крепко поцеловал в макушку.

— Черт возьми, почему же я так мало забочусь о тебе в ответ?

Чжао Ланьсян молча и так же крепко обняла его за пояс. Спустя долгое время она прошептала:

— Зарабатывай больше денег, меньше дерись, наживай состояние по-тихому и копи достаточно денег на подарки, а через два года смело приходи в мой дом с приданым. И тогда никто никогда не будет выступать против тебя из-за твоего статуса помещика.

Хэ Сунбай, услышав ее слова, одновременно обрадовался и не поверил своим ушам.

Он не ответил ей вслух, но громко откликнулся на ее теплую просьбу в своем сердце.

Он коснулся ее лица, нежного и гладкого, лица, которое никогда не разбивали ударами. Она никогда не страдала от лишений и не жила в бедности. Ему придется работать очень много и даже больше, прежде чем он сможет стать достойным того, чтобы по-настоящему обладать ею.

Хэ Сунбай еще некоторое время обнимал ее, прежде чем отпустить. Потом он сказал:

— Возвращайся в постель, — звезды постепенно тускнели, мерцая, а луна становилась все краснее и краснее. Было уже очень поздно. — Для женского здоровья вредно так поздно ложиться спать.

Чжао Ланьсян немного подумала, затем сняла часы с запястья и вложила ему в руку.

— Ты сейчас ходишь по делам, а вести бизнес, не зная времени, очень неудобно. Дома я ничего сложного не делаю, поэтому мне эти часы не особо нужны.

Хэ Сунбай возился с изящными часами на запястье. Это были часы марки «Longines», он не знал их стоимости, но понимал, что они дорогие. Он подвинул часы обратно, настаивая:

— Нет, они нужны тебе, определять время при готовке.

Чжао Ланьсян не могла не рассмеяться:

— Глупый, как может опытный повар, как я, называться таковым, постоянно полагаясь на какие-то часы? Мне достаточно и взгляда. Я одолжила их тебе на время. А когда у тебя будут деньги, купишь мне лучше.

Хэ Сунбай не стал больше отказываться и осторожно надел часы на левое запястье.

В два часа, долго смотревший на часы Хэ Сунбай, который чувствовал себя немного подавленным, наконец встал. Он быстро умылся и уехал на велосипеде.

Он все еще ездил на велосипеде, одолженном у друга в уезде, но планировал вернуть его после того, как закончит свою работу. Так как это был первый рабочий день, он шел быстро и торопился, опасаясь, что опоздает к назначенному времени.

Течжу встал в три часа, думая как-нибудь помочь своему брату Баю, он рано оседлал свой «Big Golden Deer» и поехал к нему.

Внезапно, когда он достиг подножия горы, он увидел человека, который удивил его.

Чжао Ланьсян облокотилась на руль своего велосипеда и пробормотала:

— Чем он здесь занимается, раз так рано проснулся?

Она всегда спала чутко и могла проснуться от небольшого движения или тихого звука.

Вчера вечером она думала встать пораньше и приготовить завтрак для Хэ Сунбая, чтобы он поел до того, как пойдет по делам, но она не ожидала, что он уедет так рано! Даже не умываясь, Чжао Ланьсян быстро села на велосипед и поехала следом за ним. Она ехала не слишком близко и сильно отстала.

Поскольку прошлой ночью шел дождь, а почва на горной дороге была мягкой, она держала фонарик, чтобы видеть следы колес, которые и ощупывала один за другим. Определять глубину колеи по росту и весу человека ее научил младший брат, который впоследствии стал полицейским.

Течжу молчал, он был слишком потрясен, чтобы говорить.

— Брат действительно не сказал бы тебе... Но он тебя даже не заметил! О, как же он неосторожен!

Чжао Ланьсян поджала губы, ничего не говоря.

Течжу взглянул на лицо девушки, каждая черточка которого выражала желание не сдаваться до победного конца, и понял, что у него не было другого выбора, кроме как привести ее наверх. Ему стоило немалых усилий уговорить Шуньцзы разрешить ему отвести «жену Хэ Сунбая» на гору.

Пусть она увидит, как тяжело брату Баю, тогда, может быть, она все же сможет убедить его сменить работу.

Чжао Ланьсян долго карабкалась по горной дороге с бутылкой воды, прежде чем дойти до деревенского дома. Когда она толкнула дверь, резкий пороссячий визг почти оглушил ее.

— Заткни ее! Почему ты пытался убить ее, не оглушив? Ты позволил свинье так громко визжать. Ты хочешь, чтобы мы все вместе отправились в тюрьму? — рычал мастер Хэ.

Другой мясник обеими руками с силой закрывал рот умирающей свиньи, и ему было все равно, что они будут изгрызены этой свиньей: он пребывал в ужасе от того, что их могут обнаружить.

Чжао Ланьсян огляделась и наконец обнаружила в углу Хэ Сунбая.

Как и все остальные, он был одет в пластиковый фартук на голое тело. Он сидел на корточках и изо всех сил пытался разрубить толстые свиные кости. С каждым взмахом мачете осколки костей разлетались повсюду. Несмотря на то, что он был в маске, его незащищенные брови и волосы были покрыты свернувшейся свиной кровью. Казалось, весь он словно был выловлен из кровавого пруда; с кончиков его волос капал пот. Время от времени он останавливался, чтобы взять тряпку и вытереть его. Свиные кости и головы были свалены в кучу выше него ростом.

Чжао Ланьсян почувствовала, что у нее засвербело в носу, ведь она вдруг поняла, откуда вчера взялась та свинина. Она закрыла рот руками, но не смогла сдержать слез, полившихся из глаз сплошным потоком.

<http://tl.rulate.ru/book/46619/2821703>